

«...Я начинаю опасаться, как бы и из меня не образовался из учителя чиновник». Письма С. П. Кривцова к И. Д. Попко (1874–1875)

И. Г. Иванцов, И. В. Дубинин

Среди друзей и знакомых историка, этнографа, просветителя, писателя и библиофила, краеведа Ивана Диомидовича Попко, автора статей по истории казачества, написавшего и опубликовавшего две книги «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» и «Терские казаки с стародавних времен», было много известных людей: военачальник, государственный деятель, министр внутренних дел и писатель М. Т. Лорис-Меликов, известный ученый, нумизмат, археолог и писатель И. А. Бартоломей и др. Были персонажи регионального уровня, например, начальник Кубанской области Н. Н. Кармалин, исполняющий обязанности наказного атамана Терского казачьего войска Е. К. Юрковский. Но были и иные друзья и знакомые, информация о которых дошла до нас в крайне скудном виде. В основном это представители казачьей или станичной интеллигенции. Одним из таких людей был Савва Прокофьевич Кривцов, учитель Кубанской войсковой гимназии, который состоял в переписке с И. Д. Попко. Материалы переписки дают возможность увидеть бюрократическую «кухню» провинциальной имперской России. Даже для решения столь небольшого вопроса, как перевод учителя на новое место работы, заинтересованному лицу пришлось использовать все свои связи, обращаться ко всем известным ему «уважаемым лицам», одним из которых был знаменитый краевед.

Ключевые слова: дружба, г. Ейск, климатические особенности, письма, С. П. Кривцов, семейные обстоятельства.

Для цитирования: Иванцов И. Г., Дубинин И. В. «...Я начинаю опасаться, как бы и из меня не образовался из учителя чиновник». Письма С. П. Кривцова к И. Д. Попко (1874–1875) // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 153–167. DOI 10.35231/25422375_2023_2_153

Введение

Частная жизнь людей, которые принадлежали к давно ушедшим в лету поколениям населения России, вызывает у современного исторического сообщества с каждым годом все больший интерес, что стимулирует усиление исследовательского внимания к различным проблемам в рамках истории повседневности. В научный оборот вводятся все новые источники, в числе которых личные дневники, мемуары, и, наконец, личные письма людей, принадлежавших к разным социальным strатам Российской империи последней трети XIX в. Вводимые в научный оборот новые источники и документы дают возможность более полно изучить бытовые практики и поведенческую психологию людей позапрошлого века.

Частная переписка, как объект исторического исследования, встречается гораздо реже, чем переписка официальная, служебная, деловая. Но именно она, переписка, имеющая личный характер, дает нам детальное представление о внутрисемейных и межличностных отношениях в разных социальных группах. К сожалению, количество источников личного происхождения, оставленных после себя жителями Северного Кавказа последней трети XIX в. и дошедшее до нас, незначительно. Во многом причиной тому стало сложившееся во время Гражданской войны в России положение острого социального и гражданского противостояния, способствовавшее утере, случайному и сознательному массовому уничтожению дневниковых записей и личной, хранимой в семьях переписки.

Тем ценнее для нас те письма и документы личного происхождения, которые выявляются исследователями в архивохранилищах.

Статья посвящена некоторым событиям из личной жизни генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска И. Д. Попко, отраженным в его личной переписке с Саввой Прокофьевичем Кривцовым, учителем Кубанской войсковой гимназии. Содержание его писем с описанием мытарств на пути поиска новой служебной должности и в целом информация, которую можно подчерпнуть из их переписки, позволяет более ярко осветить малоизвестные грани жизни прославленного летописца казачества.

Творческая и личная жизнь героя статьи изучалась и ранее. Тем или иным сторонам жизни генерала посвящен ряд работ

кавказских исследователей. Среди них необходимо упомянуть публикацию С. В. Фарфоровского, который в числе первых в начале прошлого века изучил, систематизировал и опубликовал биографию историка [1].

Подробные и малоизвестные биографические факты из жизни Попко были изучены Б. А. Трехбратовым [2]. Сведения о личной библиотеке И. Д. Попко, биографические исследования его творческой жизни публиковал А. И. Слуцкий [3].

Научно-историческим изысканиям летописца кавказского, кубанского и терского казачества, сведениям об архивных источниках по изучению Северного Кавказа российскими офицерами в период Кавказской войны посвящены статьи Т. А. Колосовской [4; 5].

Результаты

В Государственном архиве Ставропольского края (фонд 377) хранятся четыре письма учителя Кубанской войсковой гимназии Саввы Прокофьевича Кривцова, отправленные из Ейска¹ в Ставрополь на имя И. Д. Попко. Информации об этом человеке очень мало, можно сказать, что, кроме этих посланий, упоминаний о его месте службы в «Кавказском календаре» и короткой информации в «Кубанских областных ведомостях» (№ 6, 1868) о том, что он «кандидат Московского университета» и прочел первые в Кубанской области публичные лекции «по общепонятной астрономии», о нем больше ничего не известно.

Тем больший интерес представляют его письма, дающие нам еще некоторую информацию о личной жизни давно исчезнувшего во времени человека. Кроме всего прочего, нужно учитывать, что Иван Диомидович заводил знакомства и дружил только с интересными ему людьми. Помогал он многим, но связать себя близкими отношениями мог далеко не с каждым из своего окружения.

В письме от 30 мая 1875 г. Савва Прокофьевич писал Ивану Диомидовичу, что «21 мая у нас совершилось приращение семьи новым членом Глебом» и далее продолжает: «Мы сожалеем, что не знаем Вашего взгляда на кумовство, т. е. вообще Вы, может быть, имеете что-нибудь против этого. Если нет, то нам было бы очень приятно возвести Вас в звание кума. Для права

¹ Ейск – город на южном берегу Таганрогского залива в Краснодарском крае. Основан в 1848 г. как портовый город.

пользоваться подобным титулом от Вас потребуются только согласие, а при священном акте крещения вместо вас фигурировать может Борис, если Вы дадите ему верительные грамоты заступать Ваше место и представлять вас при священнодействии Крещения будет совершаться около половины июня» [6, л. 55 об. 56]. А через месяц, 1 июля, он сообщил историку, что очень благодарен «за ваше согласие покумиться с Вами» и «сие состоялось 17 июня в 6 ч. вечера» [6, л. 57].

К сожалению, как познакомились Иван Диомидович и Савва Прокофьевич, доподлинно не известно. Возможно, их познакомил Василий Дмитриевич Терзиев, директор дирекции училищ Кубанской области, непосредственный начальник преподавателя математики и физики и друг историка.

Укреплению дружбы историка и учителя способствовало и то, что И. Д. Попко иногда посещал портовый город. Недалеко от Ейска, в окрестностях станицы Новошербиновской¹, на левом берегу реки Ясени² находилось его поместье.

В 1857 г. в Екатеринодаре произошли драматические события. Сгорело деревянное здание, в котором находилась Кубанская войсковая гимназия. Образовательное учреждение перевели из одного здания в другое, но ни одно из них не подходило для ее нужд. Поэтому в 1861 г. она вынужденно была переведена в Ейск. В 1872 г. в войсковой столице началось строительство нового здания. После его окончания в 1877 г. гимназия вернулась обратно в Екатеринодар.

В портовом городе Ейске, в отличие от Екатеринодара, климат был более здоровым и сухим, поэтому многие жители Кубанской области и приезжие из других регионов Российской империи предпочитали его для постоянного местожительства. Иван Диомидович очень страдал от ужасной екатеринодарской погоды, выражалось это в постоянных лихорадках и других болезнях, непролазной грязи осенью и весной, о чем можно часто прочесть в его письмах к родным и друзьям. В посланиях к другу Василию Федоровичу Золотаренко он писал, что думает «купить домик в Ейске и там гулять по бульвару, который недурен. Ейск для житья предпочитается Екатеринодару в 1-х потому что там здоровый климат, во 2-х море,

¹ Станица Новошербиновская находится в Щербиновском районе Краснодарского края. Расположена на правом берегу степной речки Ясени. До революции входила в Ейский отдел Кубанской области.

² Река Ясень протекает на северо-западе Краснодарского края.

пароходство и близость цивилизованного мира, в 3-х что там есть промышленная жизнь и стало быть, не совсем ленивый человек может найти себе занятие. Там же недалеко и генеральская земля – она может дать занятие... Буде сказанный проект осуществится, приглашаю в свою коллекцию и обанкрутившегося на больших процентах штатского советника. Заведем нотариальную контору или приедем к дверям вывеску: здесь живут адвокаты, поощряющие к сутяжничеству истцов и ответчиков и в одно время сочиняющие тем и другим всевозможные кляузы. В самом деле, если Вы думаете бросить службу изучайте заблаговременно судебные уставы и адвокатскую казуистику. Практика по этой части даст хлеб в этой местности» [7, л. 222 об.–223].

Савву Прокофьевича тоже коснулась эта проблема: не он лично, но его жена страдала слабым здоровьем. Начал он свою преподавательскую деятельность в Кубанской области в начале 70-х гг. XIX в. в тот период, когда гимназия находилась в портовом городе. По делам службы он довольно часто бывал в столице Кубанской области, поэтому на личном опыте мог убедиться в непредсказуемости здешнего климата.

Первое письмо датировано 2 июля 1874 г. Начинается послание с сетования С. П. Кривцова на то, что «Я теперь Strolwittwer и вместе с тем президент республики коммуносоциале-радикале и т.д. (...), олицетворяемых Борисом, Татьяной и Катериной: жена уехала в Чокрак лечиться от ревматических страданий. Стало быть, в продолжении этих каникул из Ейска я ни шагу. Вообще, я не нахожу, чтобы нельзя было лучше провести каникулы, особенно приняв во внимание прошлогодние, когда пред моими глазами, как в панораме, мелькали Вена, Мюнхен и т.д.» [6, л. 29].

В восточной части Крыма, на севере Керченского полуострова, находится небольшое Чокракское соленое озеро, являвшееся в XIX в. популярным курортным местом отдыха жителей Черномории. Водоем отделен от Азовского моря узкой пересыпью, рядом находятся песчаные пляжи. Питается он морской водой и подземными сероводородными источниками. Его рапа и грязь являются лечебными и помогают при заболеваниях, связанных с урологией, гинекологией и проблемами опорно-двигательной и нервной систем.

Далее Савва Прокофьевич писал, что «в Ейске есть медик Лонгинов, который переписывается с членами Южно-русского географического общества. Последние спрашивают его, куда следует обратиться, чтобы добыть сведений о том, чем хвасталась Кубанская область на Московской политехнической выставке.

Так как Лонгинову известно, что в Кубанском комитете по выставке председательствовали Вы, то он поручил мне обратиться к Вам с покорнейшею просьбой о том, где хранятся дела бывшего комитета по выставке и каков должен быть тот прием, который дал бы в результате желаемое т.е. к какому лицу или месту следует обратиться за получением вышеупомянутых сведений об участии Кубанской области в Московской политехнической выставке, так как географическое общество желает составить статистику всех мест, где обитают сыны славных днепровских отцов» [6, л. 29–29 об.]

Неизвестно как был связан с Кавказским отделом Императорского русского географического общества лекарь больницы благородного пансиона при Кубанской войсковой гимназии Алексей Михайлович Лонгинов, но именно он оказался невольным посредником между И. Д. Попко и одним из влиятельнейших научных обществ России XIX в., в задачи которого входил сбор и распространении различных сведений о Кавказе.

Иван Диомидович принимал активное и деятельное участие в подготовке кавказского отдела Московской политехнической выставки в 1872 г. По распоряжению наказного атамана Кубанского казачьего войска Н. Н. Кармалина при штабе был создан специальный комитет для подготовки материалов, относящихся к казакам-черноморцам. В него вошли многие известные люди своего времени во главе с И. Д. Попко. В 1872 г. в Екатеринодаре вышла небольшая книга историка «Исторические и биографические очерки. К фотографическим снимкам и картинам, предоставленным от Кубанского казачьего войска на Московскую Политехническую выставку 1872 г.» [8]. Кроме этого, в государственном архиве Ставропольского края в фонде 377 хранится дело № 26 «Исторические и биографические очерки И. Д. Попко к фотодокументам и картинам, представленным от кубанского казачьего войска на Московскую политехническую выставку 30 мая 1872 г.» [9], посвященные сбору материала к этой выставке.

И. Д. Попко всю свою сознательную жизнь вынашивал идею о написании истории кавказских казаков. В докладной записке начальнику окружного штаба Кавказской армии Александру Павловичу Свистунову он писал: «С давнего времени я неуклонно преследую мысли составить военно-историческое описание своего края и войска, в такой полноте, чтобы труд мой мог послужить со временем существенным пособием для историографа Кавказской войны. Конечно, кто будет призван исполнить эту обширную историографическую задачу, тому придется много говорить о казаках и исторической роли их на дзешней окраине русского государства...» [10, л. 23]

Время для воплощения мечты в жизнь наступило, когда Псекупский конный полк в 1871 г., командиром которого он был, расформировали, и Иван Диомидович был назначен состоящим по Кубанскому казачьему войску. Он писал своему другу Василию Федоровичу Золотаренко: «В нашем муравейнике новый год начался введением нового положения и новыми назначениями, в числе которых на мою долю не выпало ничего. Да это и не слишком меня огорчает, – устал, умаялся, чувствую потребность отдыха...» [7, л. 184].

Новая должность послужила своеобразным трамплином для воплощения мечты в жизнь. С помощью близких друзей и при поддержке некоторых высокопоставленных персон, в частности наместника императора на Кавказе, великого князя Михаила Николаевича, Иван Диомидович смог добиться ее реализации.

19 марта 1874 г. от А. П. Свистунова на имя начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска Николая Николаевича Кармалина пришел отзыв, в котором говорилось, что «Государь Император Высочайше изволил: состоящего по Кубанскому казачьему войску, генерал-майора Попко назначить состоять при Кавказской армии, с оставлением по тому же войску и с производством ему от казны жалованья по чину из усиленного оклада...» [10, л. 65].

От большинства знакомых историк эту идею до поры до времени скрывал или просто не озвучивал ее вслух. Судя по всему, С. П. Кривцов не входил в ближайший круг общения Ивана Диомидовича, потому что последние строки письма звучат легким упреком.

В конце июня – начале июля 1874 г. в Ейске гостил друг бурной юности Ивана Диомидовича, Василий Федорович Шапов, который, будучи в гостях у учителя математики, поведал тому, «что занятия Ваши при наместнике примут не то назначение, о котором Вы мне сообщали» [6, л. 30].

По мере приближения времени переезда гимназии обратно в Екатеринодар Савва Прокофьевич стал активно искать новое место работы и возможность переезда в более благоприятный по климату населенный пункт из-за слабого здоровья жены.

Узнав, что в Владикавказском реальном училище появилась вакансия учителя математики, он без промедления написал письма на имя его директора Николая Васильевича Стоянова и попечителя Кавказского учебного округа Януария Михайловича Неверова, надеясь на быстрое и положительное решение. Но колеса бюрократической машины завертелись, и он получил не вполне устраивающий его ответ.

В письме от 5 мая 1875 г. Савва Прокофьевич сообщал, что «получил от г. Стоянова отношение следующего содержания: "У меня Ваше заявление о решении перевестись на службу на должность учителя математики во Владикавказское реальное училище"».

«Вследствие письма моего г. Попечителю Кубанского учебного округа изволил отозваться, что он согласен на Ваше перемещение, но с одним условием, что бы одновременно была занята и должность, в которой Вы в настоящее время состоите».

«Поэтому, если есть в виду лицо, могущее занять Вашу настоящую учительскую должность, покорнейше прошу Вас о том меня поскорее уведомить».

Далее он с возмущением писал, что нарочно отправил переписанный им отрывок из ответа чиновника, жалуясь, что «Неверов и Стоянов думают, что лица, желающие занять место учителя в Кавказском учебном округе обращаются ко мне с своими просьбами, и вот я могу на них указывать; или мой пост так важен и доверие ко мне так велико, что только по моему указанию может быть назначен мне приемник, подобно тому, как говорят, Государь Император назначил приемника в наместники Кавказские Фельдмаршалу Барятинскому по выбору сего последнего. Может быть есть и третье объяснение, но мне оно не приходит в голову: мне еще не случилось слышать, чтобы

у чиновника, стоящего не Бог знает на какой высокой ступени бюрократической лестницы, при перемещении его на тождественную вакантную должность, спрашивали у него указание на приемника ему. Если в Кубанской гимназии нужен учитель, то ведь одинаково нужен и во Владикавказское реальное училище. Уж не следует ли мне напечатать вызова в столичных ведомостях» [6, л. 52–53 об.].

Изложив эту непонятную для него ситуацию, он просил совета Ивана Диомидовича и добавлял: «А до получения от Вас наставления я решительно не знаю, за что приняться и, должно быть, ни за что не приймусь» [6, л. 54].

Вторым по значимости человеком в администрации Кавказского учебного округа после попечителя был инспектор Феодосий Дмитриевич Илляшенко. С. П. Кривцов сообщал И. Д. Попко, что инспектор Кубанской войсковой гимназии Николай Васильевич Костылев 22 апреля этого года получил письмо от Я. М. Неверова, в котором попечитель писал, что в конце апреля – начале мая в Кубанскую область с ревизией приедет окружной инспектор (Ф. Д. Илляшенко) и тут же едко замечал: «Терзиев лечит теперь в Питере свой седалищный нерв, вследствие страдания которого Терзиев управлял более четырех месяцев дирекцией и гимназией, ни разу не спускаясь вниз, в гимназию» [6, л. 54].

Из своего небольшого опыта работы в Кубанской войсковой гимназии, видя, как формально относятся к своему делу и обязанностям вышестоящие по должности, начиная с В. Д. Терзиева, и примеряя все происходящее на себя, он делал неутешительный вывод, актуальный и сегодня: «Строй заведения, где господствует вообще (...) равнодушие к ходу дела, сильно мне уже прискучил и я начинаю опасаться, как бы и из меня не образовался из учителя чиновник, выжидающий первого числа для получения жалованья.

Преподавание без живого участия снотворное преподавание – на себе, как на ученике испытывал – и страшно становится потерять это участие, а я начинаю понимать, что его потерять можно!...» [6, л. 54–54 об.].

Менее чем через месяц, 30 мая, последовала новое послание в Ставрополь, в котором Савва Прокофьевич сообщал Ивану Диомидовичу, что Ф. Д. Илляшенко бы в Ейске, и он имел

с ним беседу о своей дальнейшей судьбе. «Он уже изумился, предложенному для моего перевода во Владикавказ условию, sineqnanon¹ – заметив, что в Тифлисе при нем мой перевод был решен безусловно. Так как, кроме предстоящей вакансии в Кубанской гимназии, таковые имеются и в некоторых иных местах Кавказского учебного округа, то он предлагает Попечителю просить г. Стоянова в его будущей летней поездке в университетские города приискать нескольких математиков для округа и не подчинять моего перевода никаким условиям» [6, л. 55].

И с удовольствием рапортовал: «Речь он закончил уверением, что мой перевод во всяком случае состоится к началу будущего академического года. На каникулах за выездом Попечителя, округом будет управлять Ф. Д. (Илляшенко)» [6, л. 55 об.].

Перед отъездом инспектор Кавказского учебного округа посоветовал учителю математики еще раз обратиться к директору Владикавказского реального училища. Поэтому Савва Прокофьевич уведомлял Ивана Диомидовича: «Так должен был я отвечать Стоянову, что я уже и сделал» [6, л. 55 об.].

У Феодосия Дмитриевича был родной брат Александр, который служил правителем канцелярии Кавказского учебного округа. Поэтому С. П. Кривцов для подстраховки «написал в Тифлис... А. Д. Илляшенко, прося его напомнить своему брату о его обещании в Ейске на счет моего перевода» [6, л. 55 об.]. О чем и сообщил И. Д. Попко в конце послания.

Около месяца ожидания прошли даром. Ответ пришел, но совсем не такой, какого он ожидал. «Я получил от правления попечительской канцелярии письмо, которое повергло нас в немалое уныние» [6, л. 57]. Так начинается четвертое и последнее из дошедших до настоящего времени писем С. П. Кривцова, датированное 1 июля 1875 г.

Савва Прокофьевич ожидал получить конкретный ответ на свой четко поставленный вопрос: возможен ли его перевод из Кубанской войсковой гимназии во Владикавказское реальное училище, но получил типичную бюрократическую отписку. «Он (А. Д. Илляшенко) даже не пишет, исполнил ли он мою просьбу, т. е. говорил ли он с своим братом о моем переводе (я единственно только об этом и просил его), а пишет, что хотя

¹ Sineqnanon (лат.) – латинское выражение, обозначающее необходимое условие. Первоначально это был латинский юридический термин, означающий «условие, без которого это не могло бы быть», или «кроме ...», или «без которого нет ничего».

перевод зависит от Попечителя, но следует просить об этом того директора, где я служу, т.е. Терзиева иначе, по его мнению действовать неудобно и – больше ничего. Ф. Д. Илляшенко находил пути, избранного мною неправильным и положительно уверил меня, что мой перевод дело решенное и сказал тоже самое нашему инспектору...: А теперь какой оборот» [6, л. 57–57 об.].

Далее он делился с историком планами на свои дальнейшие действия в осуществлении планов по смене места работы и спасению жены. «А время уходит, каникулы окончатся и опять среди года нельзя! Я думаю, А. Ф. Илляшенко пишет не без ведома своего брата. Обыкновенно просят того, к кому желают поступить, а не того, от кого желают уйти, – да я и не давал никому обязательства служить в Кубанской гимназии и еще граф Сумароков уведомлял Попечителя, что я могу служить всюду в Кавказском учебном округе, но я не унимаюсь. Вместе с тем пишу письма к Неверову и Терзиеву в Пятигорск, Ф. Дм. Илляшенко в Тифлис и Стоянову во Владикавказ прося всех устроить мой перевод».

Трудно сказать, в каких отношениях были С. П. Кривцов и В. Д. Терзиев, вероятно, было между ними какое-то недопонимание, потому что учитель математики делился опасениями с И. Д. Попко: «теперь, впрочем, надежды мало, потому что Терзиев скорее будет действовать против меня хотя бы для того чтоб показать мне, что он все-таки кое-что может мне учинить» и жалуется, что «от Н. В. Стоянова никаких вестей» [6, л. 57 об.–58].

Кроме того, знакомый и коллега Саввы Прокофьевича Иван Трофимович Горошко сообщил тому, что тоже претендует на последнее вакантное место учителя математики во Владикавказском реальном училище и обладает преимуществом, потому что уже уволился из Пятигорской классической прогимназии.

Но, не оставляя надежды на лучшее, С. П. Кривцов писал Ивану Диомидовичу, что «в своих письмах ко властям я игнорирую это обстоятельство так как никто об этом не намекает мне, и спорное место считается с моей стороны будто вакантным» [6, л. 58].

Понимая, что дело с переводом может затянуться на неопределенное время и что от него уже мало что зависит, он в каче-

стве последнего варианта, пытаюсь заручиться поддержкой историка, имеющего репутацию образованного и благородного человека, писал в Ставрополь: «Если бы я не боялся подвергнуть Вас неприятности получить отказ в Вашем ходатайстве, то я попросил бы Вас взять на себя труд и написать Ф. Д. Иллященко, примерно хотя бы во смысле Вашего полного убеждения во моем переводе, так как он и Вам и мне и другим подтверждал это. Если это не грозит Вам неприятностью, то Вы сделаете большое для меня одолжение». И в качестве последнего аргумента снова ссылался на слабое здоровье жены: «Ехать мне в Екатеринодар значит, почти, наверное, скоро лишиться жены и остаться с четырьмя сиротами, потому что при ее необыкновенной хилости, вряд ли она выдержит екатеринодарский климат» [6, л. 58–58 об.].

Трудно сказать, какова была роль Ивана Диомидовича Попко в деле переезда семьи учителя математики в город с более здоровым климатом, но на первой странице письма, в его начале, есть приписка, сделанная его рукой: «Написано 7 июля Феодосию Дмитриевичу Иллященко и того же числа отвечено» [6, л. 57].

И. Д. Попко 7 июля 1875 г. написал письмо инспектору Кавказского учебного округа. Что было написано в данном послании, мы вряд ли узнаем, да и само письмо скорее всего не дошло до наших дней – такова судьба многих личных документов. Но, скорее всего, оно сыграло определенную роль в судьбе С. П. Кривцова и его семьи, потому что в 1877 г. Савва Прокофьевич Кривцов и, кстати, Иван Трофимович Горошко тоже были переведены учителями математики во Владикавказское реальное училище. До 1888 г. С. П. Кривцов преподавал математику и физику в столице Терского казачьего войска. Последнее несколько лет он входил в педагогический совет и обучал своим наукам учениц Владикавказской Ольгинской женской гимназии.

Обсуждения и выводы

Личная переписка, конечно же, является особым видом исторических источников. Она дает редкие, порой даже уникальные сведения о личности (или личностях) участников переписки, горестях, радостях и проблемах повседневной жизни ее участников.

Письма, в свое время написанные адресату и уцелевшие на протяжении полутора сотен лет, позволяют реконструировать взаимоотношения участников переписки, поскольку взаимное общение с помощью письменного слова позволяет увидеть психологические особенности, характер их взаимоотношений.

Нередко личные письма выступали как способ заручиться протекцией, без которой решение даже самого простого, но важного для просителя вопроса было невозможно.

Можно изучать повседневную историю по письмам и документам известных исторических персонажей, но, делая акцент на эту часть личных документов, мы упускаем важную сторону жизни – бытие простых людей. Чем и как они жили, «чем дышали» в XIX в. в России или в Кубанской области в частности.

Из таких посланий неприметных личностей складывается летопись повседневной жизни большинства жителей региона. Изучая их, мы можем более досконально и подробно понять, что происходило на Кубани в последней трети XIX в.

Список литературы

1. Фарфоровский С. В. Биографические сведения о И. Д. Попко // Русский архив. – 1910. – № 1. – С. 93–95.
2. Трехбратов Б. А. Чтобы память была долгой и доброй: общий обзор биографии писателя, историка и воина // Судьба кубанского офицера в контексте общей истории края. – Краснодар: Традиция, 2021. – С. 10–41.
3. Слуцкий А. И. Рукопись И. П. Максимова «к биографии Ивана Диомидовича Попко» // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: КГУКИ, 2011. – № 4 (42) – С. 123–126.
4. Колосовская Т. А. Архивные источники об изучении Северного Кавказа российскими офицерами в период Кавказской войны // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. – С. 10–24.
5. Колосовская Т. А. «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления». Историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И. Д. Попко // Военно-исторический журнал. 2014. – № 4 – С. 53–58.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 19.
7. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7.
8. Попко. (И.) Исторические и биографические очерки. К фотографическим снимкам и картинам, предоставленным от Кубанского казачьего войска на Московскую Политехническую выставку 1872. (Описание войсковых знамен и регалий, боевого снаряжения и типов Черноморских казаков в исходе XVIII и в начале XIX ст., форма обмундирования и снаряжения офицеров и нижних чинов Кубанского войска; 17 биографий. Екатеринодар, 1872.

9. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26.

10. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 28.

«... I am beginning to fear that an official might be formed from a teacher out of me».

Letters of S. P. Krivtsov to I. D. Popko (1874–1875)

Igor G. Ivantsov, Igor V. Dubinin

Among the friends and acquaintances of the historian, ethnographer, enlightener, writer and bibliophile, local historian Ivan Diomidovich Popko, the author of articles on the Cossacks history, who wrote and published two books "Black Sea Cossacks in their civil and military everyday life" and "Terek Cossacks since old times" there were a lot of well-known people – military leader, statesman, Minister of the Interior and writer M. T. Loris-Melikov, famous scientist, numismatist, archaeologist and writer I. A. Bartolomey and others. There were regional characters, for example, the head of the Kuban region N. N. Karmalin, acting ataman of the Terek Cossack army E. K. Yurkovsky. But there were other friends and acquaintances, the information about which came to us in extremely scarce. These were mainly representatives of the Cossack or Stanichnaya Intelligentsia. One of these people was Savva Prokofievich Krivtsov, a teacher at the Kuban Military Gymnasium, who corresponded with I. D. Popko.

Correspondence materials provide an opportunity to see the bureaucratic "kitchen" of provincial Imperial Russia. Even to solve such a small issue as transfer of a teacher to a new job, the person concerned had to use all his connections, contact all the "respectable persons" known to him, one of whom was a famous local historian.

Key words: friendship, the city of Yeysk, climatic features, letters, S. P. Krivtsov, family circumstances.

For citation: Ivantsov, I. G., Dubinin, I. V. (2023). "...Ja nachinaju opasat'sja, kak by i iz menja ne obrazovalsja iz uchitelja chinovnik". Pis'ma S. P. Krivcova k I. D. Popko (1874–1875) ["... I am beginning to fear that an official might be formed from a teacher out of me". Letters of S. P. Krivtsov to I. D. Popko (1874–1875)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 153–167. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_153

References

1. Farforovskij, S. V. (1910) *Biograficheskie svedeniya o I. D. Popko* [Biographical information about I. D. Popko] // *Russian archive*. Moscow: Synodal printing house. No. 1. Pp. 93–95. (In Russ.)
2. Trekhbratov, B. A. (2021) *Chtoby pamyat' byla dolgoj i dobroj: obshchij obzor biografii pisatelya, istorika i voina. [So that the memory is long and kind: a general review of the biography of the writer, historian and warrior] / Sud'ba kubanskogo oficera v kontekste obshchej istorii kraja* [The fate of the Kuban officer in the context of the general history of the region]. Krasnodar: Tradition. Pp. 10–41. (In Russ.)
3. Sluckij, A. I. (2011) *Rukopis' I. P. Maksimova "k biografii Ivana Diomidovicha Popko"* [Manuscript of I. P. Maksimov "To the biography of Ivan Diomidovich Popko"] / *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the south of Russia]. Krasnodar: KSUKI. No. 4 (42). Pp. 123–126. (In Russ.)
4. Kolosovskaya, T. A. (2017) *Arhivnye istochniki ob izuchenii Severnogo Kavkaza rossijskimi oficerami v period Kavkazskoj vojny* [Archival sources on the study of the North Caucasus by Russian officers during the Caucasian War] // *Vestnik arhivista* [Archivist's Bulletin]. No. 2. Pp. 10–24. (In Russ.)
5. Kolosovskaya, T. A. (2014) *"Poka arhivy ne sdelalis' dobychej pozhara ili tleniya". Istoriko-issledovatel'skaya deyatel'nost' general-lejtenanta I. D. Popko* ["Until the archives have become the prey of a fire or smoldering". Historical and research activities of Lieutenant General I. D. Popko] / *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. Moscow. No. 4. Pp. 53–58. (In Russ.)
6. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archive of the Stavropol Territory] (GASK). F. 377. Op. 1. D. 19.
7. GASK. F. 377. Op. 1. D. 7.
8. Popko, (I.) (1872) *Istoricheskie i biograficheskie ocherki. K fotograficheskim snimkam i kartinam, predstavlenym ot Kubanskogo kazach'ego vojska na Moskovskuyu Politehnicheskuyu vystavku 1872. (Opisanie vojskovykh znamen i regalij, boevogo snaryazheniya i tipov Chernomorskih kazakov v iskhode XVIII i v nachale XIX st., forma obmundirovaniya i snaryazheniya oficerov i nizhnih chinov Kubanskogo vojska; 17 biografij.* [Historical and biographical essays. To the photographs and paintings provided by the Kuban Cossack Army at the Moscow Polytechnic Exhibition in 1872. (Description of military banners and regalia, combat equipment and types of Black Sea Cossacks in the exodus of the XVIII and early XIX centuries, uniforms and equipment of officers and lower ranks of the Kuban army; 17 biographies]. Ekaterinodar. (In Russ.)
9. GASK. F. 377. Op. 1. D. 26.
10. GASK. F. 52. Op. 1. D. 28.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Статья поступила в редакцию 06.01.2023
Одобрена после рецензирования 20.02.2023
Принята к публикации 01.03.2023